

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Тащиан Д.А. Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества // Genesis: исторические исследования. 2025. № 5. DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74532 EDN: NWTADW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74532

Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества

Тащиан Даниил Андреевич

аспирант; факультет Истории, социологии и международных отношений; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

350058, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 183/1, кв. 114

✉ tas1998@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.5.74532

EDN:

NWTADW

Дата направления статьи в редакцию:

20-05-2025

Дата публикации:

27-05-2025

Аннотация: В статье исследуются культурно-просветительские и научные аспекты взаимодействия России и Чехии на рубеже XIX–XX вв. Анализ сосредоточен на институциональных моделях сотрудничества, деятельности ключевых персоналий и их вкладе в становление славяноведения, развитие правовой и литературной мысли, музыкального и театрального диалога. Особое внимание уделено транснациональным и междисциплинарным практикам, а также роли культурных посредников в формировании общего славянского гуманитарного пространства. Через биографии И.С. Пальмова, Ф.Ф. Зигеля, В.А. Францева, А.А. Врзала, Я. Рокиты и др. демонстрируется, как персональные и институциональные связи обеспечивали циркуляцию идей, формировали интеллектуальные ориентиры и способствовали выработке моделей культурной

автономии в условиях имперской многосоставности. Кульминацией сотрудничества становится неославизм как форма идейной консолидации, направленной на сохранение идентичности и развитие проектного мышления славянских народов. Исследование выявляет устойчивые закономерности взаимодействия, в которых культурный обмен выступал не только как средство коммуникации, но и как стратегическая платформа цивилизационного выбора накануне геополитических трансформаций XX века. Исследование базируется на методологических принципах историзма и объективности, на сравнительном анализе исторических источников, научных трудов и публицистики по вопросам чешско-российских связей за указанный период. Применён качественный подход к изучению архивных материалов, включая переписку культурных деятелей, а также контент-анализ периодических изданий, отражающих динамику культурного взаимодействия. Научная новизна: заключается в комплексном междисциплинарном анализе русско-чешского культурно-просветительского и научного взаимодействия на рубеже XIX–XX вв., представленном сквозь призму персонализированных практик, институциональных моделей и транснациональных стратегий гуманитарной интеграции. Впервые в едином исследовательском контексте систематизированы биографии и вклад таких ключевых фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, с акцентом на их роль в формировании славяноведения, правовой мысли и литературного диалога. Особое внимание уделено осмыслению неославизма не как завершённой идеологической конструкции, а как динамичного интеллектуального проекта с потенциалом культурной консолидации. Также автор интерпретирует чешские диаспорные структуры как гибридные формы культурной автономии, совмещающие дипломатическую, образовательную и просветительскую функции.

Ключевые слова:

славяноведение, русско-чешские отношения, культурный обмен, славянская взаимность, неославизм, межкультурный диалог, чешское землячество, музыкально-сценическое взаимодействие, культурное посредничество, институциональное сотрудничество

Вопросы культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией на рубеже XIX–XX вв. приобретают особую значимость в контексте осмысления механизмов гуманитарной интеграции славянских народов. Указанный период характеризуется активизацией национальных движений, а также формированием идей, среди которых ведущую роль играли неославизм и культурный диалог между славянскими народами. В условиях роста культурной субъектности периферийных акторов Восточной Европы особую исследовательскую ценность приобретают практики взаимодействия, выходящие за пределы официальных политических отношений.

Исследование, проведенное в данной статье, опирается на широкий круг источников: архивную переписку ключевых фигур (И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, А.А. Врзал, К.Д. Бальмонт), документы Чешского вспомогательного общества и «Чешского кружка», обращения к российским властям, включая «Записку Совета чехов в России Николаю II» (1914). Значимую роль играют материалы периодических изданий, таких как: «Словански Пржеглед», «Наша газета», «Славянское обозрение». Дополняют корпус источников документы театрального агентства А.И. Разсохиной.

Тема освещена в работах Л.П. Лаптевой и К.Б. Егоровой, а также в публикациях сборников «Славянский альманах» и «Проблемы славяноведения». Ввиду того, что в научной литературе преобладают фрагментарные подходы: либо биографические, либо

институциональные, представленные исследования стремится преодолеть эту ограниченность. Этим мотивирован их выбор в качестве теоретической основы для проведения анализа.

История культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией в конце XIX — начале XX вв. занимает особое место в контексте славянской интеграции. Исследуемый в статье временной отрезок — конец XIX – начало XX века, не представляет собой начальную стадию русско-чешского взаимодействия. Наоборот, к этому моменту уже сложилась прочная традиция двусторонних научных, культурных и религиозных связей, уходящих корнями в XVIII столетие. Однако именно рубеж XIX–XX вв. представляет собой качественно новую фазу сотрудничества, обусловленную несколькими факторами.

Во-первых, усиливается институционализация взаимодействий: создаются специализированные общества, активизируется обмен академическими кадрами, расширяется участие в международных конгрессах. Во-вторых, транснациональные процессы, включая национальные движения и модернизационные вызовы, стимулируют гуманитарные дисциплины к переосмыслению концептов идентичности, взаимности и культурной автономии. В-третьих, в данный период происходит выработка интеграционных моделей, таких как неославизм, которые задают общую рамку цивилизационного диалога славянских народов.

Новизна настоящего исследования заключается в комплексной реконструкции транснационального культурно-научного пространства русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв., с акцентом на практики интеллектуального посредничества, биографии ключевых акторов и институциональные модели кооперации. Работа впервые систематизирует материалы, касающиеся деятельности таких фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, включая интерпретацию их вклада в формирование славяноведения и неославистской идеологии.

Методологическая основа статьи сформирована на принципах историзма, сравнительного анализа. Исследование сочетает элементы культурной истории и исторической социологии, что позволяет не только реконструировать события и связи, но и выявить устойчивые структуры культурного обмена в рамках славянского проекта.

Русско-чешское сотрудничество конца XIX – начала XX вв. следует рассматривать не просто как совокупность двусторонних контактов, но как форму создания особого культурного пространства, где взаимодействие происходило не только на уровне обмена фактами и произведениями, но и на уровне моделей мышления, научных парадигм и ценностных установок. Оно было направлено на формирование общего гуманитарного языка, способного интегрировать разные национальные опыты без нивелирования идентичности. Такое сотрудничество не только расширяло горизонты гуманитарного знания, но и создавало прочную основу для формирования общеславянской идентичности в условиях политических и культурных вызовов рубежа веков.

Одним из ключевых направлений русско-чешского взаимодействия стало становление славяноведения. Русский историк И.С. Пальмов (1856–1920) посвятил значительную часть своей научной деятельности изучению чешской религиозной истории. Его магистерская диссертация «Вопрос о чаше в гуситском движении» (1881) базировалась на обширном источниковом материале, собранном в ходе научных поездок в Чехию, Турцию, Грецию, Австрию, включая города Брно и Оломоуц [\[11\]](#).

И.С. Пальмов ввел в научный оборот подлинники рукописей Я. Милича и Я. Рокицаны,

антиреформационные трактаты и более шестнадцати рукописей гуситского периода объёмом более 400 листов [\[11\]](#). Его деятельность получила признание как в России, за счет членства в Отделении русского языка и словесности РАН, так и в Чехии, так как он являлся действительным членом Чешской академии наук. Несмотря на славянофильскую идеологическую установку, Пальмов добился признания в чешском научном сообществе. Это подчеркивает значимость источниковедческого подхода и глубокого архивного анализа, которые позволили преодолеть национальные барьеры и обогатить обе научные традиции.

Особое внимание заслуживает преподавательская деятельность И.С. Пальмова, сочетавшаяся с его источниковедческими изысканиями. В Петербургской духовной академии он преподавал курс «История славянских церквей», способствуя формированию у студентов целостного представления о религиозной и правовой культуре славянских народов [\[9\]](#). Его докторская диссертация охватывала значительно более широкий исторический диапазон, включая развитие идей чешских братьев до XVI века. Тем самым И.С. Пальмов утвердил системный и глубинный подход к историко-религиозному анализу, вписав свою научную методологию в контекст паневропейской гуманитарной мысли.

Ф.Ф. Зигель (1846–1921), профессор Варшавского университета, выдвинул тезис о самобытности славянского права. Он наладил активные контакты с чешскими учеными Й. Калоусеком, Я. Челаковским, К. Кадлецом, что позволило расширить понимание чешского государственного права. Особенно важным стал перевод Зигелем статьи «Ф. Палацкий как историк славянского права», выполненный при поддержке Калоусека [\[7\]](#).

Сотрудничество с К. Кадлецом сопровождалось обменом уникальными юридическими материалами, а также переводами научных трудов Зигеля на чешский язык. Несмотря на расхождения во взглядах, особенно в отношении позитивистской методологии, чешские учёные высоко ценили вклад Зигеля в развитие дисциплины [\[11\]](#). Утверждение идеи о самостоятельной ценности славянских правовых систем способствовало укреплению идентичности и интеллектуальной автономии народов Центральной и Восточной Европы в условиях давления германоцентричной правовой мысли.

Дополнительную значимость деятельности Ф.Ф. Зигеля придаёт его стремление исследовать славянское право не только как исторический феномен, но и как элемент правовой культуры, обладающий внутренней логикой развития. Его аргументация исходила из анализа оригинальных источников и обращения к правовым институтам, которые, по мнению Зигеля, не сводились к заимствованным моделям, а имели глубокие корни в народной традиции. Согласно своему статусу, а также широкой известности в научных кругах, в том числе за пределами Чехии, Я. Челаковский имел доступ ко многим архивным документам, которые использовал для публикации сочинений, посвященных истории чешских городов, а также особенностей развития правовой истории. Напротив, Ф.Ф. Зигель, сталкиваясь с трудностями при утверждении новой научной дисциплины, нередко обращался за помощью к Я. Челаковскому. Предметом их научного взаимодействия стало обсуждение дискуссионных и сложных вопросов, а также научных гипотез, которые требовали подтверждения с учетом привлечения первоисточников [\[15\]](#).

Научное взаимодействие Ф.Ф. Зигеля с представителями чешской правовой школы было не только содержательным, но и институционально продуктивным. Его переписка с Й. Калоусеком и К. Кадлецом, а также активное участие в переводческих проектах, позволили встроить славянское право в рамки сравнительного правоведения [\[8\]](#). Тем

самым Ф.Ф. Зигель создал интеллектуальную платформу для обсуждения правовой субъектности славянских народов как носителей оригинальной нормативной культуры, не сводимой к заимствованиям из германской традиции.

Фундаментальные труды В.А. Францева (1867–1954) заложили основы академического подхода к изучению чешской культуры в России. Среди его значимых работ: «Очерки по истории чешского возрождения» (1902), «Письма Вячеславу Ганке из славянских земель» (1905), издание переписки Й. Добровского и П.Й. Шафарика с русскими учеными. Благодаря знанию чешского языка Францев осуществлял высококачественный перевод и интерпретацию первоисточников [\[11\]](#). Его исследования сформировали корпус работ, на основе которого впоследствии развивалось отечественное славяноведение. Именно Францев стал связующим звеном между архивной работой и широким общественно-культурным осмыслением славянского наследия.

Особую ценность представляет методологический подход В.А. Францева, который сочетал строгий филологический анализ с межкультурной интерпретацией. Его работы отличались системным охватом эпох, глубокой источниковедческой базой и стремлением выявить внутренние закономерности в развитии чешской культурной традиции. Благодаря своей междисциплинарности, труды Францева стали важным ориентиром как для историков, так и для литературоведов, способствуя закреплению славяноведения в академическом пространстве как самостоятельной научной области.

А.А. Врзал (1864–1930), известный под псевдонимом А.Г. Стин, сыграл важную роль в продвижении русской литературы в Чехии. Он переводил произведения Н.С. Лескова, А.П. Чехова, В.Г. Короленко и других, активно сотрудничал с А.М. Скабичевским [\[2\]](#). В условиях ограниченного институционального взаимодействия важнейшую роль играли межличностные связи между представителями научной и художественной элиты. Именно они стали основным механизмом адаптации чужого культурного опыта, его переработки и трансляции в национальный контекст [\[17\]](#). Благодаря этим связям возникала устойчивая среда доверия и культурной гибкости, без которой невозможно было бы столь глубокое взаимопроникновение смыслов.

Публикации А.А. Врзала в католических изданиях пользовались широкой популярностью, а эссе «Духовно-нравственные вопросы в русской художественной литературе» (1912) стало значимым вкладом в понимание русской культуры в Чехии. Врзал выступал посредником не только в лингвистическом, но и в культурно-ценностном переводе, адаптируя русскую литературную традицию к чешскому читателю [\[5\]](#). Выполняемая им роль способствовала формированию устойчивого интереса к русской культуре в образовательных и интеллектуальных кругах Чехии.

Влияние чешских переводчиков и культурных посредников, таких как А.А. Врзал, заключалось не только в передаче литературных текстов, но и в формировании рецептивной стратегии восприятия русской литературы в чешском контексте. Их работа способствовала возникновению устойчивого интереса к русской культурной парадигме как источнику моральных и философских ориентиров [\[5\]](#). Таким образом, популяризация русской литературы на чешской почве стала важным вкладом в общий европейский диалог идей, базирующийся на ценностях гуманизма, духовности и социальной критики.

Таким образом, биографии И.С. Пальмова, Ф.Ф. Зигеля, В.А. Францева, А.А. Врзала и Я. Рокиты позволяют реконструировать персонализированные формы русско-чешского взаимодействия, основанные на индивидуальных инициативах, переводческой

деятельности и академической кооперации. Однако эти фигуры не были изолированными носителями культурной инициативы. Напротив, они олицетворяют переход к новым форматам культурного сотрудничества, характерным именно для рубежа XIX–XX вв.

Специфика данного периода проявляется в трансформации прежних идейных парадигм. Идея панславизма, доминировавшая в научной и культурной мысли XIX века, на рубеже веков претерпевает переосмысление, получая новую интерпретацию в форме неославизма. В отличие от романтизированной концепции единства славян на почве культурной общности, неославизм опирался на политическую активизацию, обращение к науке как инструменту консолидации и стремление к институциональному оформлению славянской солидарности.

Такое развитие показывает, что формы и направления сотрудничества рубежа XIX–XX вв. нельзя рассматривать вне связи с предшествующими периодами. Именно в сравнении с XIX веком становится очевидной смена масштаба, целей и механизмов взаимодействия. Если раньше взаимодействие было преимущественно двусторонним и элитарным, то в исследуемый период оно приобретает массовый, институционально оформленный и стратегически ориентированный характер.

Особое значение имело сотрудничество Я. Рокиты (Адольф Черный) и К.Д. Бальмонта. Через журнал «Словански Пржеглед» Я. Рокита продвигал идеи славянской взаимности, публиковал переводы с русского, сербского, польского и хорватского языков. Взаимные переводы стихов с К.Д. Бальмонтом демонстрируют их идейную и эстетическую близость. В очерке «Короткий и смелый. Ян Рокита» (1928) Бальмонт подчеркивал важность творчества Рокиты в контексте славянской духовности [\[10\]](#). Установившийся литературный диалог иллюстрировал, как художественное слово может стать мостом между народами и выразителем общей культурной миссии. Поэтический обмен укреплял взаимное уважение и открывал новые горизонты для взаимодействия символистских школ России и Чехии.

Литературное сотрудничество Я. Рокиты и К.Д. Бальмонта отражало не просто эстетическое взаимодействие, но и попытку переосмысления общего историко-культурного наследия славян в условиях модернизационных вызовов рубежа веков. Их поэтический диалог демонстрировал стремление к созданию наднационального культурного пространства, в котором символизм служил не формой ухода от реальности, а способом артикуляции глубинных ценностей славянской цивилизации [\[6\]](#). За счет этого происходило формирование интеллектуального фона, благоприятного для развития идей неославизма и укрепления культурной солидарности.

Существенное влияние на русско-чешские связи оказало «Первое Театральное Агентство для России и Заграницы» (1892–1918). Под его эгидой в России работали Вацлав Сук и Бернард Фёрстер. Сук гастролировал в крупнейших российских городах и сотрудничал с П.И. Чайковским [\[14\]](#). Чешские исполнители, активно вовлеченные в российскую музыкальную жизнь, способствовали укреплению культурных связей.

Культурные практики, в том числе художественные, образовательные и правовые, выступали в рассматриваемый период в роли устойчивых инфраструктур смыслов. Именно они позволяли сохранять преемственность идей и создавать каналы передачи знаний даже в периоды политических кризисов и национальных конфликтов. Русско-чешское взаимодействие демонстрирует, как культура может быть не только реакцией на вызовы времени, но и механизмом их предвосхищения. Поддержка Агентства позволила институционализировать гастрольную деятельность, превратив её в устойчивый канал

транснационального обмена ^[4]. Благодаря этому музыкальные образы Чехии стали узнаваемыми в российском контексте, а русская сцена обогатилась новыми выразительными средствами.

Особого внимания заслуживает гастрольная и творческая деятельность Вацлава Сука, охватившая широкий географический спектр — от Одессы и Казани до Москвы и Санкт-Петербурга. Как дирижёр Большого театра и участник музыкальных вечеров Чешского землячества, он не только исполнял произведения чешской классики, но и популяризировал собственные сочинения ^[14]. Таким образом, Сук стал центральной фигурой трансляции чешского музыкального наследия в культурное пространство Российской империи, продвигая идею культурной взаимности через музыкально-сценическое взаимодействие.

Музыкально-сценическое взаимодействие между Россией и Чехией в этот период служило не только средством эстетического обмена, но и важным механизмом формирования устойчивых межнациональных симпатий. Театральные постановки и концерты с участием чешских артистов становились значимыми культурными событиями, способствовавшими знакомству широкой российской публики с художественными традициями Центральной Европы ^[4]. Через эмоциональное восприятие искусства происходило укрепление взаимопонимания между народами, которое невозможно было бы достичь исключительно в рамках академического или политического дискурса.

Чешское вспомогательное общество (с 1877 г.) и «Чешский кружок» (с. 1902 г.) стали важными центрами консолидации чешской диаспоры в России. Эти организации развивались от помощи соотечественникам к продвижению идей славянской взаимности, организовывали лекции, культурные вечера, принимали участие в политических инициативах, включая съезд 1914 года и «Записку Совета чехов в России Николаю II» о восстановлении Чешского королевства ^[1]. Институциональная деятельность способствовала сохранению культурной идентичности чехов в условиях миграции и одновременно активному включению в российскую общественную и научную жизнь. Высказанное суждение подтверждает важность землячеств как гибридных форм межнационального единения.

Форма институционального взаимодействия, реализованная в рамках чешских обществ в России, была гибридной: «она сочетала элементы культурного посредничества, социальной поддержки и неформальной дипломатии» ^[12]. Такие организации не просто сохраняли идентичность чешской диаспоры, но и формировали устойчивую среду для диалога с российскими властями, академическим сообществом и культурной элитой. Внутренняя структура обществ позволяла им функционировать как культурно-просветительские центры, способные адаптировать традиционные формы национального объединения к условиям многонациональной империи.

Важной чертой чешских организаций в России было их трансграничное и многоуровневое функционирование. Они сочетали культурные, просветительские и дипломатические задачи, формируя устойчивые механизмы трансляции национальной идентичности в условиях имперского пространства ^[1]. Такие объединения, как Чешское вспомогательное общество и «Чешский кружок», становились не только местом социокультурной поддержки, но и каналом стратегического взаимодействия с российскими научными и политическими кругами, что делало их важными агентами культурной автономии.

На этой основе складывался особый тип «культурной автономии», который позволял не только воспроизводить элементы чешской национальной культуры за пределами её этнической территории, но и институционально оформлять транснациональные инициативы. Регулярные лекции, культурные вечера, участие в славянских конгрессах и обращение к российскому правительству по вопросам политического устройства Чехии демонстрируют, что чешские общества играли роль своеобразных «мостов» между внутренней культурной жизнью и внешними политико-правовыми процессами [\[16\]](#). В этом заключалась их историческая значимость как носителей устойчивых форм межэтнического диалога.

Возрождение идеи панславизма на рубеже XIX–XX вв. происходило не как прямое продолжение прежней идеологической модели, но как её трансформация в более прагматичную и институционально ориентированную концепцию неославизма. Тогда как в XIX веке панславизм носил преимущественно романтический и умозрительный характер, в начале XX века он переосмыслился как ответ на нараставшие геополитические вызовы, кризис многонациональных империй и обострение национальных движений. В этом контексте неославизм стал формой интеллектуальной и политико-культурной мобилизации, опирающейся на конкретные культурные практики, научные общества, образовательные и просветительские структуры.

Идеи неославизма, развиваемые Я. Голлом, Я. Бидло и Т.Г. Масариком, стали теоретическим итогом русско-чешского сотрудничества. Труд Т.Г. Масарика «Россия и Европа» (1913 г.) обобщил взгляды на русскую культуру и показал её значимость для понимания чешского вопроса. Несмотря на националистические настроения в предвоенные годы, идеи культурного взаимодействия не исчезли, а трансформировались в форму межнационального диалога с сохранением идентичности [\[2\]](#). Следовательно, неославизм закрепил интеллектуальные основы для концепции «славянского синтеза», в рамках которого различие культур не рассматривалось как препятствие, а как потенциал для диалога.

Неославизм не только синтезировал интеллектуальные ресурсы предшествующего периода, но и предложил цивилизационную рамку, в которой славянское культурное наследие выступало не как объект архивного интереса, а как потенциальная основа для выработки новых социальных, политических и образовательных стратегий [\[2\]](#). Происходящие процессы превращали научно-культурное взаимодействие в элемент проектного мышления, за счет способности формировать образ будущего, опираясь на историческую глубину.

Идеология неославизма оформилась как попытка институционализировать наработанные формы культурного и научного диалога между славянскими народами, включая опыт русско-чешского сотрудничества. На смену локальным инициативам пришло стремление выстроить интеграционную модель, основанную не на политической унификации, а на признании равенства культурных субъектов. В этом контексте обращение к общеславянской истории, языковым связям, литературным и правовым традициям стало не просто научным интересом, а инструментом интеллектуальной консолидации [\[13\]](#). Неославизм позволил перевести идеи славянской взаимности из культурной сферы в плоскость идейной политики, при этом избегая имперских амбиций.

Существенным вкладом в формирование идеологической рамки неославизма стало осмысление Россией и Чехией общего историко-культурного пространства как потенциала для выработки будущих моделей сосуществования. В этом контексте работа

Т.Г. Масарика «Россия и Европа» выступала не только как социологический анализ, но и как попытка наметить параметры наднационального диалога [\[3\]](#). Неославизм в таком прочтении становился инструментом проектного мышления, способным соединить историческую память и цивилизационные перспективы в единую систему культурной консолидации.

Смысловая основа неославизма заключалась в признании принципа «многообразия в единстве», где сохранение национальной самобытности не противоречило стремлению к культурной солидарности. Работы Я. Голла, Я. Бидло и особенно Т.Г. Масарика, анализировавшие Россию как социокультурную систему, служили примером включения межнационального знания в разработку модели будущего европейского устройства [\[13\]](#). Таким образом, неославизм стал не только итогом, но и трансформацией русско-чешских научных и культурных связей, открыв новую фазу в интерпретации славянской идеи как модернизирующего, а не архаического проекта.

Обобщая вышеизложенное, следует обратить внимание на следующие закономерности присущие культурно-просветительскому и научному взаимодействию между Россией и Чехией в конце XIX – начале XX вв.:

1. Установившийся диалог носил многослойный характер, он развивался от персональных связей между учёными и литераторами в направлении институциональных форм сотрудничества, которое было на практике выражено в переводе текстов, а также анализе смыслов и ценностей, имеющих значение для изучения чешской и русской культур. В настоящем исследовании предметом анализа выступает не весь хронологический массив русско-чешских культурных контактов, а исключительно их форма и содержание на рубеже XIX–XX вв., когда данные процессы приобрели выраженную институциональную и концептуальную направленность. Соответственно формирование славяноведения как научной дисциплины, углубление правовых исследований, а также развитие гуманитарных и художественных контактов стали основой для интеграции славянского пространства в единый культурно-научный контекст.
2. Взаимодействие не ограничивалось рамками культурного интереса или этнографической симпатии. Речь шла о формировании целостного цивилизационного дискурса, в котором каждый из народов сохранял свою идентичность, но одновременно осознавал сопричастность более широкому историко-культурному проекту. Через деятельность таких фигур, как И.С. Пальмов, Ф.Ф. Зигель, В.А. Францев, А.А. Врзал и Я. Рокита, был выстроен фундамент для нового понимания славянской культуры, как активной, субъектной и модернизационной силы. Соответственно синтез традиции и прогресса выражался в научных теориях, литературных переводах, музыкальных и театральных постановках, а также в институциональных инициативах, охватывающих обе страны.
3. Особое значение в трансформации русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. приобретает контекст Первой мировой войны, в ходе которой культурно-просветительские связи дополнились политико-идеологическим измерением. Возникшие ожидания чешской диаспоры в отношении России как потенциального союзника в борьбе за государственное возрождение усилили характер обращения к общеславянской солидарности.

Не менее значимым фактором указанной трансформации стало участие чешских культурных обществ, действовавших на территории России, в артикуляции политических

ожиданий и формировании каналов публичной дипломатии. Такие объединения, как Чешское вспомогательное общество и «Чешский кружок», постепенно эволюционировали от структуры этнокультурной поддержки к платформам символического представительства чешских интересов в российском публичном пространстве. Они стали посредниками между элитами двух стран, транслируя идеи не только культурной солидарности, но и сопричастности к будущему политическому устройству Центральной Европы.

Следовательно, на рубеже веков русско-чешское сотрудничество не только укрепило гуманитарную науку, но и стало площадкой для выработки концептов, оказавших влияние на политическую философию славянских народов. Движение неославизма, как завершающий этап этой эпохи, стало логическим итогом трансформации накопленного интеллектуального потенциала в платформу единства без унификации, культурного сближения без потери автономии. Таким образом, можно сделать вывод о том, что взаимодействие России и Чехии в этот период приобрело статус не эпизодического обмена, а осознанной культурной стратегии с долгосрочными цивилизационными последствиями.

Библиография

1. Ведерников, М. В. Организованное политическое движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М. В. Ведерников. - М., 2017. - 273 с. EDN: PAIKKW.
2. Влчек, Р. К истокам чешской исторической русистики // Россия и Чехия: научные, культурные и общественные связи: материалы комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. - СПб.: Алетейя, 2016. - С. 27.
3. Врзал, А. Письмо к А. М. Скабичевскому. 1891 // Международные связи русской литературы (по собраниям Пушкинского Дома). - СПб., 2017. - С. 212-213.
4. Доубек, В. Между Веной и Москвой // Родина. - 2001. - № 1-2. - С. 109-110.
5. Егорова, К. Б. К истории русско-чешских культурных взаимосвязей: А. Врзал и А. М. Скабичевский // Славянский мир: общность и многообразие. - 2021. - № 1. - С. 300-303. DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.04 EDN: PAVBUA.
6. Лаптева, Л. П. Долгий мой путь по чешской словесности (Бальмонт и чешские писатели) // Вопросы литературы. - 1992. - Вып. 2. - С. 307-328.
7. Лаптева, Л. П. Контакты Ф. Ф. Зигеля с чешскими учеными (по данным переписки) // Проблемы славяноведения. - 2006. - № 6. - С. 96-103.
8. Лаптева, Л. П. К вопросу о русско-чешских научных контактах в конце XIX - начале XX вв. Ф. Ф. Зигель (1845-1921) и Я. Челаковский (1846-1914) // Проблемы славяноведения и медиевистики. - СПб., 2009. - С. 252-278.
9. Лаптева, Л. П. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. С. Пальмов как историк зарубежных церквей // Славянский альманах. - 2011. - № 1. - С. 25-35. EDN: RVYQZN.
10. Лаптева, Л. П. Славянские связи Адольфа Черного // История западных и южных славян в освещении русской историографии XIX-XX вв.: сборник статей. - СПб.: Алетейя, 2013. - С. 188-199.
11. Лаптева, Л. П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX - первой четверти XX века. По данным переписки ученых // Новая и новейшая история. - 2016. - № 1. - С. 83. EDN: VVGOMZ.
12. Отчет "Чешского вспомогательного общества" в Петрограде за 1908 г. - СПб., 1909. - С. 8-9.
13. Серапионова, Е. П. Новый рубеж русско-чешских культурных связей // Славянский альманах. - 2002. - № 2. - С. 431-443.

14. Филатова, О. И. Чешские музыканты в первом театральном агентстве для России и заграницы Е. Н. Разсохиной // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. - 2011. - № 2. - С. 54-59. EDN: NYDDMT.

15. Čelakovský, J. Moje zápisky 1871-1914. - URL: https://www.researchgate.net/publication/40374484_Jaromir_Celakovsky_Moje_zapisky_1871-1914 (дата обращения: 19.12.2024).

16. Kotov, V. Sokolské hnutí v Moskvě. Magisterská diplomová práce. - Masarykova univerzita v Brně, 2015. - S. 51.

17. Pospíšil, I. Alois Augustin Vrzal: koncepce a dokumenty // Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity. - 1993. - D. 40. - S. 53-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв.: ключевые фигуры и направления сотрудничества» представляет определенный интерес как обращение к специфическому периоду в истории культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией, однако то обстоятельство, что автор не проговаривает целый ряд важных установочных условий своей работы приводит к определенным сложностям в восприятии данного текста. Автор, к примеру, никак не поясняет временные рамки своего исследования, указание на «особое место» не сопровождается расшифровкой этой особенности. Тезис «Этот период ознаменовался активным развитием межнационального научного обмена, формированием институциональных и личностных связей, направленных на укрепление славянской взаимности» никак здесь не помогает, поскольку русско-чешское научно-культурное сотрудничество не возникло в конце XIX века, оно развивалось уже более столетия, определенные институциональные и личные связи уже давно были сформированы; даже из данного текста можно узнать, что «Чешское вспомогательное общество» как центр консолидации чешской диаспоры в России, было основано еще в 1877 г. Выводы, сформулированные автором, также не формируют представление о специфике периода: развитие славяноведения, научные теории, литературные переводы, музыкальные и театральные постановки были присущи и более ранним десятилетиям русско-чешских связей. В второй половине текста появляется тема Первой мировой войны и связанных с нею ожиданий чехов т.е. определенная трансформация взаимодействия (письма Николаю II, тексты Масарика и др.), однако автор не считает нужным упоминать это в выводах. В работе отсутствует обзор литературы по теме исследования, не заявлена новизны работы, не указаны источники, актуальность, методология. Содержательно работа распадается на две неравноценные части, что по своему логично т.к. соответствует заглавию текста: сначала автор перечисляет видных деятелей (ключевые фигуры) русско-чешского культурного взаимодействия, потом – что более ценно – формулирует направления и формы сотрудничества; однако здесь снова возникает проблема временных границ и необходимости рассмотрения русско-чешского взаимодействия на рубеже XIX–XX вв в неразрывной связи с предыдущими временными отрезками для выявления специфики направлений и форм именно этого периода и отслеживания трансформаций сквозных сюжетов, таких как идея панславизма, например, неоднозначно развивавшаяся в XIX веке и получившая новый импульс в указанное время

(неославизм), причем потенциально интересный сюжет причин возрождения идеи панславизма в данный период автором также не рассмотрен. Работа в целом представляет определенный интерес, но нуждается в усилении научно-методического раздела (точнее, в его создании) и более четких формулировках специфики рассматриваемого временного отрезка русско-чешского научно-культурного взаимодействия.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Еще два столетия назад представители «Общества соединенных славян» мечтали о том, что в будущем восточные, западные и южные славяне сольются в едином государстве. Конечно, реальная жизнь оказалась намного тяжелее мечтаний, однако вопреки всем злопыхателям и сегодня славянские страны поддерживают друг с другом тесные культурные связи. Особое внимание здесь стоит уделить славянским культурным связям в конце XIX – начале XX вв., когда Центральная Европа бурлила общественно-политическими процессами, стремясь уйти от владычества Австро-Венгрии.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является русско-чешское культурно-просветительское и научное взаимодействие на рубеже XIX–XX вв. Автор ставит своими задачами рассмотреть особенности новой фазы русско-чешского сотрудничества, проанализировать деятельность отдельных персоналий, а также раскрыть идейные черты неославизма.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор использует также сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать историю культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией в конце XIX — начале XX вв.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 14 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на чешском языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований укажем на работы Л.П. Лаптевой и К.Б. Егоровой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения культурно-просветительского и научного взаимодействия между Россией и Чехией. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как межславянскими связями, в целом, так и русско-чешскими связями, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней

можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «русско-чешское сотрудничество конца XIX – начала XX вв. следует рассматривать не просто как совокупность двусторонних контактов, но как форму создания особого культурного пространства, где взаимодействие происходило не только на уровне обмена фактами и произведениями, но и на уровне моделей мышления, научных парадигм и ценностных установок». Автор обращает внимание на то, что в конце XIX в. «в отличие от романтизированной концепции единства славян на почве культурной общности, неославизм опирался на политическую активизацию, обращение к науке как инструменту консолидации и стремление к институциональному оформлению славянской солидарности». В конечном итоге, как отмечает автор рецензируемой статьи, «движение неославизма, как завершающий этап этой эпохи, стало логическим итогом трансформации накопленного интеллектуального потенциала в платформу единства без унификации, культурного сближения без потери автономии».

Главным выводом статьи является то, что в рассматриваемый период взаимодействие России и Чехии «приобрело статус не эпизодического обмена, а осознанной культурной стратегии с долгосрочными цивилизационными последствиями».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».